

Автор:

Кочнева Екатерина

Руководитель:

Жданова Екатерина Юрьевна

учитель

ГБОУ СОШ «ОЦ» с. Августовка муниципальный район Большечерниговский Самарской области

СЛЕД ВОЙНЫ В МОЕМ ДОМЕ

Так буйно сады не цвели давно. А в этом году весна поторопилась, чтобы подарить ко Дню Победы и нежно-розовые лепестки яблонь, и белоснежные облака черемух, и яркое море сирени. И от этих сладких запахов слегка кружились головы ветеранов, идущих к памятнику погибшим августовцам и к Вечному огню, болели старые раны, ныла душа, унося их в далекую юность, опаленную войной.

А мой дедушка Григорий Михайлович Гончаров не пошел на парад Победы, но не потому, что он забыл, какой это день, такое забыть нельзя. Не хотелось ему, чтобы односельчане видели его слезы, а без слез он не может, хотя не был участником войны. Он родился в 1933 году, к началу войны ему было только восемь лет. Осенью дед пошел в первый класс. Я помню свой первый класс – море цветов, море улыбок, солнце в небе, на лицах мам и учителей. Это был праздник! А дедушка помнит печальные глаза учительницы, испуганные глазенки учеников и нагло смеющегося немца, расхаживающего с овчаркой по классу. Где это было? В Черемушной, сто в сорока километрах от города Харькова на Украине, захваченной немцами.

В учебниках истории есть описание оккупационного режима, я это изучала, а еще я читала книги и смотрела фильмы. Страшно! И еще страшнее

стало, и «защемило» в груди, когда я взглянула на моего деда, плачущего от увиденного на экране. Плакал человек, которому сейчас под восемьдесят, плакал спустя много лет после тех событий, которые оставили незаживаемые раны в душе и ужасные шрамы на теле.

Шрамы появились в 1944 году, а до этого был счастливый 1939-й, когда в семье родился долгожданный братишка, когда играли в войну в цветущих садах, когда родители были рядом: добрая, заботливая мать и красивый сильный отец. Таким молодым и мужественным вспоминает дедушка своего папу, ушедшего вскоре на финскую войну, а чуть позже – на Великую Отечественную. Он помнит, а братишка нет. Слишком мал он был и поэтому не мог понять, почему расширились от ужаса глаза взрослых, почему матери все сильнее прижимали к груди детей и кто эти люди, так одинаково одетые и что-то кричащие на чужом языке. Но дедушка все понимал, а беззащитность брата и слезы матери делали его ответственным за их безопасность. Он верил, что с этой задачей справится, только не знал как. Потом, когда закончится война, он все расскажет своему отцу.

Папа, где он воюет с фашистами? Как он? Можно было только фантазировать, ведь на оккупированную территорию солдатские треугольники не приходили. Семья узнала об отце уже после войны: он числился в списках пропавших без вести, а это давало какую-то надежду. Но без вести пропавших не бывает. Вернулся в село друг семьи, воевавший вместе с отцом, вернулся из плена и сообщил печальную весть: отец погиб в фашистском концлагере от голода и ран. У матери не было слез, а мой дед заплакал, в первую очередь от досады, что узнал об этом после войны и не сможет отомстить за смерть отца. Хотя он боролся по-своему с немцами во время оккупации, но, как теперь думал, недостаточно.

А дело было так. Фашисты выбрали под «штаб» единственную новую хату, уцелевшую в селе после авиационных налетов, артобстрелов и пожарищ –

хату моего деда, а их выгнали. Поселиться пришлось в погребе. Я представить не могу такое, а дед говорил, что чувствовал себя партизаном, они были где-то рядом, в лесу. Мальчишки радовались, узнав, что по дороге в село подорвали штабную немецкую машину, что похитили старосту и повесили на опушке леса, что освободили пленных, которых не успели отправить в концлагерь. Радовались и хотели помочь партизанам оружием, продуктами и сигаретами. Где все это взять? У немцев. Ходить-то далеко не надо. Иногда пьяные фашисты проявляли снисхождение и угощали ребят шоколадом, давали закурить сигарету. В этот момент можно было что-то выпросить, получить подзатыльник, или просто украсть. Такое мероприятие однажды чуть не стоило дедушке жизни. Увидев у себя во дворе оставленную без присмотра открытую машину, он решил воспользоваться моментом и проверить содержимое кабины. Пуля просвистела совсем рядом, когда дед стрелой летел по огороду.

Добытое оружие и солдатские ремни закапывали вместе с банками тушенки и сгущенки в погребе. Голодные дети не тронули ничего. Они воспользовались продуктами только после освобождения села и были расстроены, что поторопились, потому что немцы вернулись. Село переходило из рук в руки трижды, и трижды выкапывали и снова закапывали оружие, которого становилось все больше, так как после боев ребятам удавалось что-то найти. Сдали все в военкомат уже после войны.

А в освобожденном селе весной 1944 года готовились к посевной кампании. Но как можно сеять в нашинкованную снарядами и минами землю? Саперы свою работу делать не успевали. То тут, то там смерть обрывала жизнь, смерть, которую можно было предотвратить, разрядив или взорвав эти мины и снаряды. Мальчишки решили, что это их дело, так они уберегут односельчан и помогут в севе. Погиб друг Павел, но это не остановило двенадцатилетних саперов. Однажды взрыв раздался раньше времени, мой дед ничего не понял, он увидел только обезображенное, окровавленное лицо соседского мальчишки,

которому осколок попал в глаз. Но почему ребята окружили и его? Увидев свои ноги, изрешеченные осколками, он в ужасе кинулся домой. На огороде дед упал и больше подняться не мог. А пятилетний братишка носил кружкой из хаты воду и поливал раны. Дорогу до райцентра дедушка не помнит, но как из тумана выплывали опухши е от слез глаза матери. Именно глаза. Больше он ничего не видел., но понял, что ей очень больно, и в душе маму жалел. В это время мальчик не чувствовал свою боль. Операция длилась четыре часа, а вот число дед не помнит. Знает только, что случилось это на Пасху, в апреле, а выписали его, когда на том поле, где его ранило, уже колосилась рожь.

В шестидесятые годы дедушка снова лежал в районной больнице, но уже в Большой Черниговке, а не на Украине. У него открылась рана, и вышел последний осколок. Почему дед его не сохранил? Зачем? Ведь увиденное и пережитое из памяти не выбросишь, шрамы на теле не разгладишь. А кусочек железа – это еще одно напоминание о том страшном времени. И без этой «реликвии» дедушке есть о чем рассказать своим внукам и правнукам.

Прошел год. В очередной раз шли на традиционную встречу ветераны, с каждым годом их все меньше, но мой дедушка не с ними поминает своих погибших друзей. Солдатские сто граммов выпьют ветераны («ветеран» - старый воин, участник войны в прошлом, смотри энциклопедический словарь), а он к этой категории не относится, хотя уже и старый, и раненый. Он не был солдатом и не шагал фронтовыми дорогами с автоматов в руках. Он был ребенком, и война прошагала по его детской душе, истоптав ее чужими сапогами, изранив ее воронками и противотанковыми рвами, запорошив ее пеплом пожарищ. И многие десятки лет плачет «седая» душа в день Победы, выжимая скупые слезы на глазах дедушки. Смотрит он со своими внуками фильмы о войне, а память крутит свою хронику...

Только внуки не могут понять, почему плачет дедушка?